

Но было уже поздно. Эмилия не могла сдвинуться с места. Она никогда не испытывала такого унижения и такой чудовищной боли. Моча волна за волной вырывалась из ее тела и струилась по дрожащим ногам. Мягкая гладкая ткань ее колготок полностью промокла, и любой теперь мог догадаться, что Эмилия описалась.

Стефани и Кара с жалостью смотрели на подругу. Кара хорошо знала, что такое описаться на людях, но и она была поражена тем, насколько унижительно было положение Эмилии. Целый класс стоял и смотрел, как Эмилия писает, беспомощная и неспособная двигаться. Огромные потоки текли по ее ногам. Стояла абсолютная тишина, и лишь звуки шипения нарушали ее. Мокрое трико блестело в свете многочисленных ламп. Эмилия никак не могла остановиться и продолжала писать. Она то сжимала ноги вместе, и моча текла по передней части ее бедер, впитываясь в еще сухую ткань, то разжимала их, не зная, что делать, как остановить этот кошмар. Неспособная управлять собой, она писала непрерывно, поток за потоком вырывался из ее бедного тела и мчался вниз по ногам, впитываясь в трико и стекая пол. Моча была всюду. Она полностью промочила ее одежду и образовала большую лужу под ногами.

Единственными звуками в комнате было шипение и плеск мочи на полу.

Эмилия продолжала писать почти полторы минуты, не в силах остановиться. Никогда в жизни ей не было так больно, и она была даже довольна, что наконец освободилась от этой невыносимой боли в мочевом пузыре, но как только она робко, сквозь слезы, посмотрела вокруг, она, словно в тумане, увидела полный класс, смотрящий на нее и смеющийся над ней. Эмилия наконец перестала писать и снова зарыдала, полностью осознав, что она только что описалась перед целым балетным классом. Не зная, что делать, она выскочила из студии, бормоча извинения, и помчалась в туалет. Там находились несколько девушек из другого класса. Они, конечно, заметили ее мокрые трико, колготки и мокрые следы на полу.

Эмилия опустилась на унитаз, прямо в одежде, и закрыла лицо руками. Как только она села, то снова стала писать, не успев раздеться. Полностью подавленная своей унижительной ситуацией, она стала думать, что ей делать дальше. Эмилия внезапно вспомнила, что сегодня, как назло, приехала в только в трико и колготках, не имея больше никакой одежды, чтобы переодеться. У нее не было ничего, чтобы скрыть свой позор, и она снова горько заплакала, задаваясь вопросом, как она будет ждать сестру и поедет домой в таком виде. Через несколько минут девушка взяла себя в руки, сняла трико и колготки. Она вытерла ноги и промежность туалетной бумагой, затем надела трико обратно. Ее колготки полностью промокли, так же, как и пуанты. Она робко вышла из кабинки в одном трико, босиком, и быстро бросила колготки и пуанты в корзину. Трико все еще было мокрым впереди и сзади, но она полагала, что ей удастся это скрыть и подождать сестру на улице, избежав чьих-либо взглядов. Она пропустила вперед девушек, которые с улыбками посмотрели на нее, прислонившуюся к стене и прикрывающую руками влажную промежность. Она не знала, что она скажет сестре и маме.

До приезда сестры оставалось полчаса, Эмилия села на скамейку и стала ждать. Она то и дело поглядывала вниз на свою промежность, все еще очевидно влажную. Ее очень смущало то, что мокрое трико сильно облегалo низ живота и довольно сильно просвечивало. Она сидела, прикрывая мокрое пятно руками. Но самое ужасное заключалось в другом. Несмотря на то,

что она вышла из туалета десять минут назад, она внезапно поняла, что снова хочет писать. Эмилия не могла в это поверить, но это был результат неправильного приема мочегонных таблеток, большого количества выпитой воды и измученных ослабленных мускулов мочевого пузыря. Похоже, ее испытания еще не закончились.

Приблизительно через двадцать минут стали подъезжать родители за своими дочерьми. К этому времени Эмилия испытывала чрезвычайные неудобства, поскольку она снова ужасно хотела писать. Она не могла понять, почему через полчаса после такой ужасной катастрофы она опять так хочет в туалет. Эмилия не хотела возвращаться в студию, потому что к настоящему времени многие занятия закончились, и там полно народу, а она не хотела больше, чтобы люди видели ее влажную промежность. Она решила терпеть, пока не приедет сестра, и они смогут заехать в МакДональдс или куда-нибудь еще, где есть туалет.

Время шло, а сестра не появлялась. Эмилия знала, что сестра частенько опаздывает. Ее потребность с каждой минутой усиливалась. Знакомое давление снова вернулась, и резкая прнзительная боль раздутого мочевого пузыря казалась еще ужасней. Эмилия сильно волновалась, ее руки по-прежнему прикрывали влажное пятно от девушек и родителей, выходящих из студии. Многие из них не могли скрыть усмешку, и Эмилия изо всех сил старалась держаться непринужденно, но она ужасно хотела писать, и снова не знала, что делать. Она не могла поверить, как быстро ее мочевой пузырь переполнился на этот раз. Она снова была на грани катастрофы, но не решалась бежать в туалет в студию. Агония продолжалась.

Из дверей показалась Стефани, за ней шла Кара. Они увидели Эмилию и пошли к ней. Эмилия корчилась от боли, сжимая промежность руками.

- Эй, Эмилия, ты теперь не будешь смеяться надо мной? - хихикала Кара, подходя.

- Что ты здесь делаешь? Кто должен за тобой заехать? - спросила Стефани.

- Моя сестра, но она опаздывает, - ответила Эмилия, с тоской глядя на дорогу.

- В чем дело, ты снова хочешь в туалет? - спросила Кара, заметив постоянное раскачивание Эмилии назад и вперед и ее напряженный взгляд.

- Да, я не могу поверить в это, но я опять ужасно хочу писать!

- Так вернись в студию и иди в туалет, - сказала Стефани.

- Но я не хочу, чтобы кто-нибудь меня видел. Посмотрите на мое трико! - Эмилия убрала руки и подруги увидели все еще очевидное влажное пятно. К этому времени оно немного подсохло, это было по-прежнему заметным. Кара снова захихикала, посмотрев на влажную промежность Эмилии. Стефани огляделась вокруг. У дверей студии было настоящее столпотворение.

- Да, возвращаться в студию нереально. Что ты будешь делать? - спросила она.

- Я не знаю. Я надеюсь, моя сестра сейчас приедет. Я не смогу долго терпеть. Я сейчас опять описаюсь!

- Писай прямо здесь, мы никому не расскажем. Все равно трико у тебя уже мокрое, - сказала Кара.

- Конечно, Эмилия, мы обещаем, что никому не скажем, и никто отсюда ничего не увидит, - поддержала подругу Стефани.

Эмилия посмотрела на них, затем вокруг и поняла, что у нее нет никакого выбора. Несколько девушек из ее класса смотрели на нее. Эмилия попыталась отыскать глазами укромное местечко, но поняла, что сделать это будет нелегко. Боль была невыносима, но Эмилия все

еще не решалась.

- Девчонки, я хочу писать, - стонала Эмилия, и слезы вновь хлынули по ее щекам.

- Так пирай, никто не узнает, - сказала Кара, кладя руку на плечо Эмилии.

- Ты обещаешь, что никому не расскажешь, Кара? - молила Эмилия.

- Да, но только если ты прекратишь дразнить меня, хорошо?

- Конечно, Кара. Господи, я больше не могу!

К ним подошла еще одна девушка. Она с жалостью посмотрела на бедную Эмилию, собирающуюся описаться второй раз в течение часа. Эмилия попыталась потерпеть еще немного, но давление возобладало, и она неожиданно начала писать через трико, прямо здесь. Первый поток продолжался несколько секунд и снова намочил все ее трико. Несколько капелек потекли по бедрам Эмилии. Незнакомая девушка подступила ближе и смотрела на распространяющееся влажное пятно на трико Эмилии. Эмилия покраснела.

- Не смотрите! Мне так неловко! - закричала она, смущаясь.

- Давай быстрее, прежде чем подойдет миссис Бурнс, - ответила Стефани.

- О нет, только не это! - закричала Эмилия.

Она в страхе оглянулась и окончательно потеряла контроль. Бедняжка стала безконтрольно писать прямо в трико перед своей подругой Стефани, Карой и знакомой девушкой, стоящей немного позади.

- О господи, какой позор, - рыдала Эмилия.

Моча струилась из ее промежности, стекая на гравий автостоянки. Эмилия сжимала ноги вместе, и струйки текли по ее голым ногам, сверкая на солнце. Кара и Стефани, раскрыв рот, смотрели на Эмилию, писающую прямо перед ними. Эмилии было ужасно стыдно, но это было все же лучше, чем снова описаться перед классом. Она знала Стефани, Кара обещала никому не говорить, но не могла понять, почему третья девушка продолжает смотреть на нее. Тем временем Эмилия никак не могла остановиться. Длинные потоки горячей мочи текли из измученного тела бедной девочки. Мокрое трико прилипло и очевидно определяло форму и размер ее промежности. Слава богу, что это не белое трико, думала Эмилия, чувствуя, как ткань впивается в тело. Наконец ее мочевой пузырь полностью опустел, она перестала писать и сквозь слезы посмотрела вокруг.

- Ничего себе! Вот это да! - засмеялась Стефани.

- Пожалуйста, не говорите никому? Мне так стыдно! - умоляла Эмилия в слезах.

- Не волнуйся, не скажем, - ответили обе в унисон, - но ты лучше прикройся, посмотри на свое трико!

Эмилия посмотрела вниз на свою промежность и увидела, что трико стало практически прозрачным. Эмилия не на шутку перепугалась, но в это время подъехала ее сестра. Эмилия, сверкая мокрыми, помчалась в автомобиль, села на полотенце и сказала сестре, что она описалась перед всем балетным классом. Сестра засмеялась, и они поехали домой. Другие девушки из ее класса в это время ожидали родителей или ехали домой в собственных машинах, обсуждая несчастный случай с бедной девушкой, которая описалась в студии.

Эпилог:

Эмилия больше не вернулась в балетный класс. Стефани выяснила позже, что ей позвонил директор и сказал, что они убрали должность стажера и что Эмилия не будет танцевать с труппой. Старшая сестра Кары пошла в колледж вместе с Эмилией, и одноклассники

каким-то образом прознали о ее несчастном случае в балетном классе, и постоянно дразнили ее в течение нескольких месяцев. Слишком поздно для Эмилии, но правила в классе изменились, и девушкам дали перерыв в середине репетиции, поскольку преподавательница подробно рассказала руководству, как описалась несчастная Эмилия. Кара и Стефани до сих пор посещают класс, и Стефани теперь танцует в труппе на месте Эмилии.